

Валерий ЛЕБЕДИНСКИЙ родился в 1940 году в городе Кременчуг Полтавской области. Окончил два факультета Одесского государственного университета имени И. Мечникова: юридический (1965) и исторический (1971). Поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей Москвы и Союза журналистов России. Автор семи книг, лауреат «Артиады народов России», главный редактор международного литературного альманаха «Муза».

ПУШКИН В ОДЕССЕ

Наплыв страстей на даче у Рено,
Настрой поэта лирико-любовный.
Но он изгнанник. Тяжкое дано.
Он весь — волненье. Пульс его неровный.

Должно, теперь его отсюда — прочь,
На Псковщину, подалее от юга...
Но то потом. Покуда — эта ночь,
Где непроста возвышенна подруга.

Ах, будет долго помнить он потом
Свой пыл во тьме с графиней Воронцовой,
И яркий всплеск украсит книжный том,
И зов пера им будет облицован.

И пусть тут всё изучено давно,
В десятках книг описаны детали,
Следы уводят к ночи у Рено,
К тем тайным грёзам, что над ней витали.

Мерси, француз, сей старенький Рено,
Пришедший к нам из области преданья,
За то, что быть с пиитом суждено
Хотя бы два, от силы три свиданья.

За то, что сердцем чую благодать,
За то, что нынче вижу их живыми,
И вновь струится шёпотом кровать,
Горит свеча, потушенная ими.

Огнём в крови опять озарено,
К двумстам годам со дня его рожденья,
Безумство чувств на даче у Рено,
Полёт их тел в истоме наслажденья...

1999

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОТВЕТ

...Одна лишь дума непрестанно
Её тревожила с утра:
— Идти ли мне за Левитана? —
Спросила Чехова сестра.

Ни «да», ни «нет» он не ответил,
А, растерявшись, промолчал.
...Гудит над Мелихово ветер,
Глухими ставнями стуча.

В пруды усадьбы хлещут ливни,
Мерцает в окнах блеклый свет...
Всю душу мне пронзает бивнем
Тот неслышанный ответ.

...А дни дождливы и туманны,
На тракте в полдень — ни души.
Клубится дым над Нерастанным —
Селом, затерянным в тиши.

Пионы в сумраке — как розы,
Газоны лилий вдоль камней...
«Тебе знакомы, Маша, грозы
Над безмятежной далью дней?

Вот слышишь: колокол в усадьбе
Отбил удары над селом?
Вглядишься в тропу за вашей свадьбой,
Где кроет дали бурелом.

Ах, Маша, Маша, в дни томлений
В сырой лопасненской глуши
Провидь года, где страх гонений
Ползёт во мрак больной души.

Где свищет плеть кровавой нови,
Где твой безрадостен удел...»
А бор насупил злые брови
В преддверье молниевых стрел.

Кряхтело дряхлое столетье,
Коптела сальная свеча,
Гудел над Мелихово ветер,
Глухими ставнями стуча...

«Прости. Люблю я Исаака.
Ответ не высказать мне вслух.
Но оглядишься на тропах мрака,
Где каждый шаг тревожно глух.

Прочувствуй едкий дым тумана
В пока не видном беге лет,
Всю боль полотен Левитана
Вбирая сердцем как ответ».

* * *

...В Париже Бунин встретил Куприна,
Как повелось, запившего некстати.
В глазах туманно липла пелена,
Почти с трудом прошло рукопожатье.

Но сквозь угар тот грустно повторял:
— Иван, мой друг, как хочется в Россию! —
А взгляд скользил, беспомощен и вял,
И руки висли, странно обессилен.

— Иван, хочу в Россию, ну пойми,
На всё плевать, в один из дней уеду. —
И Бунина возьми вдруг и пройми
Глухая боль, проникшая в беседу.

Ну та, что в нём, уставшем Куприне,
Состарившемся, спившемся в Париже,
С проходом лет усилена втройне,
Что вот сейчас всего другого ближе.

И взор его сейчас полуослеп,
И стынет нрав во льдах душевной льдины,
Покрылся ржой гранатовый браслет,
С больной душой извечен поединок.

— Ну, всё, Иван... —
Куприн не уходил.
Глаза блестели сквозь немые слёзы,
Мерцал в них свет чуть дышащих кадил —
Последний всплеск почти угасшей прозы.

— Ну, разошлись...
И Бунин глянул вслед:
Куприн, качаясь, плёлся вдоль обочин.

Не в меру странно вис на нём берет,
Пиджак и тот слегка был скособочен...

* * *

Тлетворный дух горелого,
Пылавшей страсти дух, —
Как странны письма Белого
Кублицкой-Пиоттух.

Вины неснятой жжение,
Бескрайний нервный зуд, —
Как ярко отражение
Шальных его причуд.

И колкость, и почтение,
И боль ночной тиши, —
Как искренне прочтение
Больной своей души.

* * *

...Потом Твардовский даже пожалел,
Что Маркова заметил Алексея,
Когда восход лишь только заалел
И горизонт струился, розовея;

Когда пока неяркие лучи
Бог весть какую подогрели веру.
Ах, огонёк предутренней свечи,
Виток надежд, взлетевших в стратосферу!

Увы, Твардовский больше не был рад,
Что в массе пёстрых выделил студента:
Стал вялым слог,
Расхлябан строй рулад, —
Да мало ли грехов с того момента!

Таков был Марков. Слабо засветив,
Подав надежду и её развев,
Он проявлял свой тусклый негатив,
Нелицедейство ямба и хорей.

А тут ещё... кукушкин этот глас —
Слушок в стенах их певчего союза...
Ну, дьявол с ним, не стоит тратить фраз,
Однако тяжко от дурного груза.

А хоть и тихо, среди гнёзд, тайком
Кукушкин глас вещал о нехорошем:
Мол, зря замечен крупным вожаком
И в небо им негаданно подброшен.

Но тут уже пришло немало благ —
Монет, и женщин, и вина на даче...
Зачем гореть? Пока не стёрся лак,
Он будет жить вот так, а не иначе.

ПАСТЕРНАК

Он избежал «пятьдесят восьмой»,
Не был «врагом народа».
Оттепель грянула бурной весной
Яркою в жизни года.

Но проступил пятьдесят восьмой —
Год для него зловещий.
Тоже мне оттепель: лютой зимой
Било в лицо
Не хлеще!
Нас не пронять:
Могут таять снега,
Могут звенеть капли —
Бдительно зрящие,

Образ врага
В сердце несём с колыбели.

Господи! Вёснам уже и не сместь
Намертво вмёрзшей льдины!
С первых наветов
Были и есть
В красном Кремле кретины.

Нет чтоб потокам промчатся с гор,
Землю звеняще кроя...
Где-то, должно быть,
Гнилой засор
В самой основе Строя.

* * *

...А вот в переделкинской знойной тиши
Бредут Пастернак и Каверин.
На тропах писательских — ну ни души,
Весь край, словно в сказке, затерян.

Поэт, беспокойный, стремящийся в бой
За правду в их пламенном споре,
Он как бы всё время ведёт за собой
По волнам безбрежного моря...

Уходит всё дальше, в глубинную суть,
Где может быть даже не понят.
От дерзости мысли вздымается грудь,
Стучат друг о друга ладони.

Каверин, тот что же, молчит в тишине,
Но в битву он ринется скоро.
С какой он хитринкой рассказывал мне
О дебрях их давнего спора.

Сидели с ним, помню, на даче втроём:
Он, я и старуха-прислуга,
И он в интервью восходил на подъём,
И память носилась по кругу.

И всё уводил его вдаль Пастернак,
И память на круге не гасла,
И был в этом добрый и трепетный знак,
И шло интервью, как по маслу.

ИЗ ДНЕВНИКА

Вот запись звонка к Ахмадулиной,
Однажды, в связи с интервью:
— ...Мне кажется тема надуманной,
Я вряд ли её разовью.

— Ну что же вы, Белла Ахатовна,
Ведь это же крупный заказ.

— Нет-нет, не люблю — по накатанной.
Притом представлять напоказ.
Ну что это значит: «духовное»,
Когда бездуховность вокруг? —
И что-то от плача, неровное,
Звучит, опадающе вдруг...

Привыкший вбирать обожание,
Как будто роняет сонет,
Не голос — сплошное дрожание
Её невесомого «нет».

На слух (при звонке) — избалована,
Капризна при встрече — на вид.
Манерность взяла из балов она,
Надрывность — из детских обид.

Вздыхает. Звучит деликатное:
— Я, право, не знаю сама...

Проникнуть ли, Белла Ахатовна,
В золотые твои терема?

* * *

Душным полднем московским,
Ходом медленным пешим
Я иду с Иодковским
Со спектакля о лешем.

Я, казалось, в безумье
От того, что увидел,
Он же — полон раздумий,
Нами признанный лидер.

Неречив, как нередко,
Враг постылого шума.
Что ни слово, то метко,
Что ни пауза — дума.

Что ни дума — загадка,
Что ни взгляд, то усмешка.
Мне с ним вместе несладко,
Я с ним рядом — как пешка.

Не молчать — подавляет,
Ну не словом, так взглядом.
Кровь моя огневая
Застывает с ним рядом.

Ну, не райские кущи —
Я пасую, и только.
Знать, для роли ведущей
Родила его полька.

Нет, не в Лодзи-Варшаве —
На земле на российской.
Только жил он не в славе,
Был не дружен с витийством.

Он король. Но — подполья.
Однокрылая птица.
Тут не главные роли —
Тут уж нечем кормиться.

Тут уж место сноровке,
Ловкой хитрости даже.
...Так мы вышли к Петровке
Из ворот «Эрмитажа».

В небе тучи нависли,
День и душен, и жарок.
Мне б узнать его мысли —
Вот уж был бы подарок.

Но — молчит о спектакле,
Взгляды стали угрюмы.
Я ловлю — уж не так ли? —
Драгоценные думы.

Что — по тихой усмешке,
Что — по долгому взгляду.
Так идём мы без спешки
По Каретному ряду...

СМЕРТЬ ДРУНИНОЙ

Я словно вижу тот гараж,
Лежу в угаре под навесом,
Хотя и стих ажиотаж
Вокруг ухода поэтессы.

Я пропускаю сквозь себя
Её настрой в часы забвенья,
Вбираю, сам себя губя,
Её былые треволненья.

Её слова с трибун, с эстрад,
И реплик брошенных удары, —
И... вдруг врываю в терпкий смрад
Того, последнего, угара...

...Страна всегдашней правоты,
Былой, немеркнувшей Победы
Осталась там, в краю мечты,
На смену ей ворвались беды...

Как пала ты, родная власть,
Что в сердце — с дня её рожденья,
Что разжигала к жизни страсть,
Что закаляла убежденья?

Зачем зачёркнут самый след
Тех, первых, пламенных свершений,
Где душу грел огонь побед,
Где места нет для поражений?

И, лёжа в тесном гараже
И жуткий смрад в себя вбирая,
Я чую крик в её душе,
Он весь во мне, не замирая...

1993

